

— Не спеши, я подожду, — Ань Линь, поглаживая тыльную сторону её руки, опустила взгляд. — Подожду, пока ты по-настоящему не влюбишься в меня.

Кабинет президента группы компаний YA.

Солнце висело высоко в небе, слегка слепя глаза, но Гу Яньсяо, казалось, не замечала этого, расслабленно откинувшись в офисном кресле и глядя в небо.

Прошло всего несколько часов с момента взлёта, а она уже начала скучать по тому лицу.

Когда Ань Линь приземлилась, в Янчэне было уже около четырёх-пяти часов утра.

Хотя девушка неоднократно повторяла, чтобы она не ждала, а хорошо отдохнула и позвонила ей после пробуждения...

Она не была уверена, что сможет уснуть.

Тихо вздохнув, она повернулась обратно, уставившись на стопку документов и файлов на столе, заставляя себя сосредоточиться на работе.

Но в голове всё равно произвольно возникали слова Ань Линь.

Похоже, девушка давно всё продумала, будь то желание уйти из семьи Гу или заявление на обучение за границей — всё это явно свидетельствовало о её планах.

Но больше всего поразил тот поцелуй той ночью.

Её навыки были настолько хороши, что граничили с невероятным. Кожа касалась кожи, атмосфера была настолько интимной, что Гу Яньсяо не смогла устоять.

Вспомнив ту ночь, она почувствовала, как уши начали краснеть.

Если бы Ань Линь называла её «старшей сестрой», она бы сразу вышла из этого состояния и остановила бы её, но она называла её «президентом Гу» и даже произносила её имя.

Она назвала её Яньсяо.

В одно мгновение это уравнило их, и в её помутневшем сознании Ань Линь стала казаться

ровесницей. Её голос был настолько мягким, что, казалось, мог источать воду, соблазнительным и манящим.

Гу Яньсяо молча опёрлась на лоб, задаваясь вопросом, как она могла позволить девушке, которая была на десять лет младше, так легко вести себя?

Даже если она никогда не была в отношениях, разве могло быть настолько плохо?

И... это, должно быть, тоже был первый раз для Ань Линь... да?

Настолько умело?

Гу Яньсяо даже не заметила, как её мысли начали отклоняться в странном направлении, пока звонок телефона на столе не прервал её размышления.

Она вздрогнула, осознав, о чём только что думала.

Легко прокашлявшись, она вернула себе привычное холодное выражение лица и спокойно ответила на звонок.

— Яньсяо, сегодня вечером вернёшься в старую резиденцию на ужин?

С другой стороны послышался голос мужчины средних лет.

Гу Яньсяо слегка нахмурилась, взгляд упал на настольный календарь.

Пятница.

Действительно, день возвращения в старую резиденцию, но из-за того, что она отвлеклась на Ань Линь, она временно забыла об этом.

Ещё одной причиной было то, что сейчас она возвращалась туда гораздо реже, изредка находя время, чтобы навестить дедушку, но не всегда оставалась на ужин, так как УА продолжала развиваться, и у неё почти не было свободного времени.

Дедушка тоже прошёл через это, понимая, как ей сейчас тяжело, и не настаивал, иногда даже сам приезжал к Гу Яньсяо.

Из-за Ань Линь Гу Яньсяо уже давно поняла, что скрывается за людьми в резиденции, и знала, о чём они думали, ставя свои интересы на первое место.

С тех пор она редко возвращалась в старую резиденцию, отчасти из-за учёбы, а отчасти — ради Ань Линь.

Если они могли так поступить с ребёнком, можно только представить, на что они были способны.

Звонивший был Гу Пин, дядя Гу Яньсяо, бывший «отец» Ань Линь.

Гу Яньсяо помолчала некоторое время, прежде чем ответить:

— Не уверена, успею ли, дядя. У вас что-то случилось?

Если ничего серьёзного, у неё не было желания возвращаться в старую резиденцию.

Из-за Ань Линь она встречалась с дедушкой всего несколько дней назад.

Гу Пин замялся:

— Ты ведь уже давно не возвращалась. Я попросил тётушку Хао приготовить твои любимые блюда, а твоя тётя тоже сказала, чтобы ты пришла поужинать, она давно тебя не видела. И большая тётя, и маленькая тётя, все по тебе соскучились.

Слова звучали приятно, полные заботы.

Но истинная цель была неясна, и Гу Яньсяо не могла сразу понять.

Гу Пин любил дочь и заботился о ней, это было фактом.

Но Гу Яньсяо всё ещё не могла простить то, что они сделали и сказали в отношении Ань Линь.

Тогда Гу Яньсяо было пятнадцать-шестнадцать лет, она находилась в подростковом бунтарском возрасте, и хотя внешне это не проявлялось, все чувствовали, что между ней и остальными постепенно образовалась пропасть.

Если бы тогда Гу Пин хоть немного проявил мягкость, сказал бы слово в защиту, результат был бы иным.

— Твой брат недавно вернулся из летнего лагеря, и как только приехал, начал проситься к тебе. Я сказал ему, что ты занята, и он немного расстроился, — Гу Пин, видя, что Гу Яньсяо молчит, сменил тактику.

А брат, о котором говорил Гу Пин, был сыном, которого он родил с новой женой после развода с матерью Ань Линь.

Тётя, о которой он упомянул, была именно она.

Шан Мэй была на десять лет младше Гу Пина, младшей дочерью председателя известной компании. Внешность у неё была вполне приличная, характер тоже неплохой, но к тридцати годам она всё ещё не вышла замуж, и под давлением семьи познакомилась с Гу Пином на свидании.

Видимо, характеры сошлись, и вскоре они всё уладили, а на следующий год родили Гу Ханя.

Хотя это был сын, было очевидно, что к нему не относились так же хорошо, как к Ань Линь в своё время, но всё же он был родным, и его баловали, давая всё, что он хотел.

Гу Хань был на шесть лет младше Ань Линь, только что окончил начальную школу и выглядел совсем незрелым.

Гу Яньсяо, услышав, что он упомянул Гу Ханя, поняла, что, если не согласится, он продолжит настаивать.

Всё, что можно было скрыть в то время, было скрыто, всё, что можно было замолчать, было замолчано, и мало кто знал правду, включая Шан Мэй.

Гу Яньсяо не испытывала к ней особых чувств, но та относилась к ней хорошо, и она не могла проявлять излишнюю холодность.

— Поняла, постараюсь выкроить время, — Гу Яньсяо, потирая виски, ответила, чувствуя, как начинает болеть голова, и не зная, как сильно её будут донимать дома. — Я поужинаю, навещу дедушку и уйду, не останусь ночевать в резиденции, вечером у меня дела.

— Хорошо, без проблем, — Гу Пин сразу согласился, ему нужно было только, чтобы Гу Яньсяо вернулась. — Тогда я не буду тебя отвлекать, береги себя.

— Хорошо, — Гу Яньсяо закончила разговор и отключила телефон.

Недавно сын большой тёти вернулся из-за границы и искал работу, а теперь, используя Гу Ханя и Шан Мэй как предлог, её снова заставляют вернуться в старую резиденцию...

Хотя она понимала, что не стоит так плохо думать о людях, но, учитывая прошлый опыт, она должна была быть настороже.

— Мушу, зайди ко мне, — Гу Яньсяо подключила внутренний телефон.

Меньше чем через минуту Цзян Мушу постучала и вошла.

— Президент Гу, — Цзян Мушу приблизилась к ней.

Гу Яньсяо, откинувшись на спинку кресла, вздохнула и встала:

— Что у нас на вечер?

Цзян Мушу, услышав вопрос, серьёзно ответила:

— Запланирована телефонная конференция с председателем Шэнда, также будут доставлены несколько документов для вашего просмотра и подписи.

Гу Яньсяо подошла к окну, повернувшись лицом к улице:

— Перенеси это.

— Хорошо, — Цзян Мушу не стала спрашивать причину, сразу согласившись.

— Вечером я возвращаюсь в старую резиденцию, ты тоже поедешь со мной, пусть дядя Цянь заберёт меня.

Цзян Мушу на мгновение замерла, удивлённая, но ответила:

— Хорошо.

— Документы доставь вовремя, я разберусь с ними после возвращения из резиденции.

— Президент Гу, вы ещё вернётесь работать сверхурочно?

— ...Да, возвращаться всё равно не к чему, — Гу Яньсяо, стоя спиной к Цзян Мушу, опустила взгляд.

— Тогда я... — Цзян Мушу хотела предложить вернуться и помочь, ведь это была её обязанность.

— Ты можешь сначала уйти, — Гу Яньсяо сказала. — Я сама вернусь, когда закончу.

Цзян Мушу несколько раз открыла и закрыла рот, но в итоге сказала:

— Поняла.

Она явно почувствовала, что атмосфера вокруг Гу Яньсяо изменилась, и не стала сразу уходить, стоя рядом со столом и ожидая, пока та снова заговорит.

Она знала, что, скорее всего, семья Гу снова хотела чего-то от Гу Яньсяо.

Гу Яньсяо медленно положила руку на стекло, слегка погладив его подушечками пальцев, взгляд упал на серебряную цепочку на запястье, и затем она замерла, глядя на неё.

Цепочка выглядела по-прежнему новой, но небольшие царапины на ней свидетельствовали о том, что она не была молодой.

Гу Яньсяо носила её на запястье почти каждый день, как драгоценность.

<http://bllate.org/book/15524/1379837>